

Российский совет
по международным
делам

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

Конкуренция юрисдикций на пространстве Евразийского экономического союза

А.А. ЕФРЕМОВ

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, международного права и сравнительного правоведения Воронежского государственного университета, ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления ИПЭИ РАНХиГС при Президенте РФ

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Лавров С.В. — Председатель
Попечительского совета
Греф Г.О.
Дзасохов А.С.
Драчевский Л.В.
Дынкин А.А.
Комиссар М.В.
Косачев К.И.

Маргелов М.В.
Осипов Ю.С.
Приходько С.Э.
Торкунов А.В.
Фурсенко А.А.
Шохин А.Н.
Юргенс И.Ю.

ПРЕЗИДИУМ

Авен П.О.
Иванов И.С. — Президент РСМД
Кортунов А.В. — Генеральный директор РСМД
Лукьянов Ф.А.
Мешков А.Ю.
Песков Д.С.

Выпускающие редакторы:

Тимофеев И.Н., канд. полит. н.
Махмутов Т.А., канд. полит. н.
Алексеенкова Е.С., канд. полит. н.

Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам» (НП РСМД) является основанной на членстве российской некоммерческой организацией. Деятельность РСМД направлена на укрепление мира, дружбы и согласия между народами, предотвращение международных конфликтов и кризисное регулирование. Партнерство создано решением учредителей в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 02.02.2010 г. № 59-рп «О создании некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

УЧРЕДИТЕЛИ

Министерство иностранных дел Российской Федерации

Министерство образования и науки Российской Федерации

Российская академия наук

Российский союз промышленников и предпринимателей

Информационное агентство «Интерфакс»

МИССИЯ РСМД

Миссия РСМД заключается в содействии процветанию России через интеграцию в глобальный мир. РСМД — связующее звено между государством, экспертным сообществом, бизнесом и гражданским обществом в решении внешнеполитических задач.

Мнения, выраженные в этой публикации, могут не совпадать с позицией РСМД.

Конкуренция юрисдикций на пространстве ЕАЭС

1. Феномен конкуренции юрисдикций: понятие, преимущества и недостатки в интеграционных объединениях

Развитие евразийской интеграции все чаще становится предметом различных оценок и дискуссий. Недавняя публикация Доклада № 43 Евразийского Банка Развития «Евразийская экономическая интеграция – 2017»¹, в котором акцентировано внимание на недостаточном уровне конкуренции юрисдикций в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), делает актуальным анализ данного феномена, влияющих на него факторов, а также, собственно, более глубокую дискуссию о том, нужна ли конкуренция юрисдикций для международной (региональной) экономической интеграции или нет.

Конкуренция юрисдикций как феномен, связанный с процессами глобализации и региональной экономической интеграции, является предметом исследований в различных науках – праве, политологии, экономике.

При этом в западной экономической науке (новой институциональной экономике), как правило, используется термин «межюрисдикционная конкуренция» (англ. – *interjurisdictional competition*), а в работах по юриспруденции – «регуляторная конкуренция» (англ. – *regulatory competition*). В экономических исследованиях данный термин используется наряду с такими категориями, как конвергенция и дивергенция, конверсия и дисперсия регулирования², а также «регуляторные гонки вверх» или «вниз» (англ. – *race-to-the-top* или *race-to-the-bottom*)³.

Для понимания экономической сущности конкуренции юрисдикций в интеграционных объединениях необходимо отметить, что в научном дискурсе уже достаточно давно выделяют так называемую «негативную» интеграцию⁴ (т. е. устранение межгосударственных барьеров для перемещения товаров, услуг, рабочей силы и капитала, создание единого экономического пространства) и «позитивную» интеграцию⁵ (т.е. гармонизацию институтов, включая нормативное правовое регулирование, создание наднациональных (международных) организаций и их органов-регуляторов). При этом если позитивная интеграция на наднациональном уровне устанавливает общие правила поведения, то негативная лишь трансформирует экономическое пространство таким образом, что бизнес может выбирать между различными государствами, предлагающими («продающими») публичные блага и институты различной «цены» и «качества». И на этом «рынке публичных благ и институтов» как раз и возникает конкуренция между государствами (юрисдикциями) за привлечение частного бизнеса.

Конкуренция юрисдикций, как правило, осуществляется за мобильные ресурсы (капитал в форме прямых или портфельных инвестиций), но в современных условиях распространяется и на размещение производства, рабочую силу, предпринимательские навыки и создание инноваций.

С середины 1990-х гг. в западной экономической науке феномен конкуренции юрисдикций с описанием конкретных моделей проводится не только в отношении налогов (налоговой конкуренции)⁶, но и других сфер регулирования (например, стан-

АВТОР:

Ефремов Алексей Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, международного права и сравнительного правоведения Воронежского государственного университета, ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления ИПЭИ РАНХиГС при Президенте РФ

¹ Евразийская экономическая интеграция – 2017. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. 88 с.

² Barkin J.S. Racing all over the place: A dispersion model of international regulatory competition // *European Journal of International Relations*. 2015. Vol. 21, N 1. P. 171–193.

³ Carruthers B.G., Lamoreaux N.R. Regulatory races: the effects of jurisdictional competition on regulatory standards // *Journal of Economic Literature*. 2016. Vol. 54, N 1. P. 52–97.

⁴ Либман А.М. Негативная интеграция и конкуренция юрисдикций // *Экономическая наука современной России*. 2005. № 2.

⁵ Стрежнева М.В. Многоуровневое финансовое управление на пространстве Европейского Союза // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика*. 2011. № 4. С. 106–125.

⁶ Gérard M., Weiner J.N. Cross-border loss offset and formulary apportionment: how do they affect multijurisdictional firm investment spending and interjurisdictional tax competition? CESifo Working Paper. 2003. N 1004. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/76504/1/cesifo_wp1004.pdf

дарты финансовой отчетности⁷, страхование вкладов⁸, выпуск корпоративных облигаций⁹) а также для отдельных отраслей и секторов экономики, например инноваций¹⁰.

Экономическая оценка феномена конкуренции юрисдикций имеется и в российской экономической науке¹¹. Согласно данным исследованиям, на постсоветском пространстве существуют серьезные сомнения в способности конкуренции юрисдикций реально обеспечить высокое качество институтов¹², т.е. тем самым обеспечить ее цель – улучшение инвестиционного и делового климата в каждой стране и большей экономической интеграции в целом.

В американской научной юридической литературе конкуренцию юрисдикций классифицируют на «внутриюрисдикционную» (англ. – intrajurisdictional), т.е. конкуренцию между компетенциями отдельных органов-регуляторов внутри одного государства, «межюрисдикционную» (англ. – interjurisdictional) – между органами-регуляторами в разных странах, а также «многонациональную регуляторную конкуренцию» (англ. – multinational regulatory competition), когда группа регуляторов из более чем одного суверенного государства формирует партнерство в качестве многонационального регулятора, а затем стремится конкурировать с другими группами регуляторов, также сформированными более чем одним суверенным государством¹³.

В юридической науке государств ЕАЭС конкуренция юрисдикций рассматривается узко и, главным образом, применительно к вопросам разрешения споров в международных

судебных органах¹⁴. Российские правоведы определяют конкуренцию юрисдикций государств как установление одновременно юрисдикции различных государств в отношении одного и того же лица (лиц) или объектов, а также осуществление или попытку осуществления ими своей юрисдикции в отношении соответствующего лица (лиц) или объектов¹⁵. Значительно больший интерес к правовым аспектам конкурентоспособности государств проявляют только казахстанские ученые¹⁶.

Согласно зарубежным исследованиям¹⁷, на глобальном уровне устранение торговых и инвестиционных барьеров создает потенциал для конкуренции между регулирующими юрисдикциями, которая формирует три «траектории» тенденций регулирования:

- конвергенция между странами в отношении менее жестких правил (правила производственных процессов);
- конвергенция в сторону более жестких правил (правила доступа к рынку);
- сохранение различий между странами (в отношении специфичных объектов инвестиций).

Однако наибольший интерес представляют исследования влияния конкуренции юрисдикций на региональную экономическую интеграцию, наиболее ярким примером которой является Европейский союз (ЕС).

В европейских исследованиях эта тема является достаточно дискуссионной, что связано с «конкуренцией» двух парадигм, указанных выше, – «позитивной» и «негативной интеграции», или, как их называют в отдельных

⁷ Sunder S. Regulatory competition among accounting standards within and across international boundaries // *Journal of Accounting and Public Policy*. 2002. Vol. 21. P. 219–234.

⁸ Engineer M.H., Schurea P., Gillis M. A positive analysis of deposit insurance provision: Regulatory competition among European Union countries // *Journal of Financial Stability*. 2013. Vol. 9, N 4. P. 530–544.

⁹ Eidenmüller H., Engert A., Hornuf L. Where do firms issue debt? An empirical analysis of issuer location and regulatory competition in Europe // *International Review of Law and Economics*. 2015. Vol. 41. P. 103–115.

¹⁰ Rauscher M. Interjurisdictional competition and innovation in the public sector // *CESifo Area Conference on Public Sector Economics*. 2004. 7–9 May. URL: https://www.cesifo-group.de/portal/pls/portal/!PORTAL.wwwpob_page.show?_docname=67753.PDF

¹¹ Либман А.М. Конкуренция юрисдикций и преодоление неэффективного равновесия в условиях глобализации // *Общество и экономика*. 2004. № 5–6. URL: <http://www.cemi.rssi.ru/jsae/content/2004/5-6/an5-604-15.html>; Он же. Негативная интеграция и конкуренция юрисдикций // *Экономическая наука современной России*. 2005. № 2; Он же. Проблемы многоуровневого управления, экономической власти и конкуренции юрисдикций в современной мировой экономике // *Вестник научной информации ОМЭПИ ИЭ РАН*. 2008. № 2.

¹² Либман А.М. Модели экономической интеграции: мировой и постсоветский опыт: Автореф. дисс. ... докт. экон. наук. М., 2009. С. 36.

¹³ Partnoy F. Multinational regulatory competition and single-stock futures // *Northwestern Journal of International Law & Business*. 2001. Vol. 21. P. 643.

¹⁴ Солнцев А.М., Голубев В.В. ВТО и региональные интеграционные объединения: конкуренция юрисдикций и применимых принципов права при разрешении межгосударственных споров // *Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция*. 2013. № 1. URL: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/vto-i-regionalnye-integratsionnye-obedineniya-konkurentsiya-yurisdiksiy-i-primenimyh-printsipov-prava-pri-razreshenii>; Малашко А.П. Соотношение механизмов разрешения споров, предусмотренных статьей 19 Договора о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 года // *Право.by*. 2016. № 2. С. 98.

¹⁵ Черниченко О. С. Международно-правовые аспекты юрисдикции государств: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 11.

¹⁶ Смагулов А.А. Правовая интеграция Казахстана как элемент правовой конкурентоспособности государства // *Бизнес, менеджмент и право*. 2014. № 2. С. 135–137.

¹⁷ Murphy D.D. Interjurisdictional competition and regulatory advantage // *Journal of International Economic Law*. 2005. Vol. 8, N 4. P. 891–920.

исследованиях, концепции «регуляторной нейтральности», обеспечивающей равные условия для конкуренции бизнеса на основе единых правил, и концепции «регуляторной конкуренции», обеспечивающей конкуренцию государств¹⁸.

Следует отметить, что изначально как соглашения, лежащие в основе ЕС, так и деятельность органов ЕС была направлена на гармонизацию регулирования, а не на конкуренцию юрисдикций. В этом было принципиальное отличие от подходов «конкурентного федерализма» в США¹⁹. Однако судебная практика Суда ЕС, в первую очередь знаменитое дело Centros 1999 г., которое обеспечило возможность для межстрановой мобильности европейских компаний, расценивается европейскими исследователями как переход к конкуренции юрисдикций.

Сторонники конкуренции юрисдикций в Европе указывают на то, что она поощряет эксперименты и инновации в правовом регулировании, позволяет формулировать правила, в большей мере учитывающие новые идеи, а также локальные особенности. Критики утверждают, что она отрицательно влияет на конкуренцию бизнеса, создавая ему преимущества в зависимости от локализации компаний, а также приводит к снижению социальных стандартов (которые, по сути, являются издержками бизнеса и которые он также стремится минимизировать, мигрируя в юрисдикцию с меньшими социальными требованиями)²⁰. Вместе с тем ряд исследователей справедливо отмечает, что конкуренция и координация (гармонизация) регулирования – это «две стороны одной медали», обеспечивающие диалектически улучшение как самого регулирования, так и процесса его разработки.

Исследования конкуренции юрисдикций в рамках ЕС показывают, что для реальной оценки преимуществ юрисдикции той или иной страны недостаточно учета одного или нескольких факторов, т.е., например, только

уровня налогообложения или только простоты процедуры учреждения или отчетности компаний.

Например, реформа германского корпоративного права в 2008 г., отменившая минимальный капитал для закрытых корпораций, сама по себе не вызвала сокращения числа иностранных фирм, созданных немецкими предпринимателями. Большее значение имели расходы, связанные с созданием новой компании, а также строгие обязанности по раскрытию информации в других юрисдикциях²¹.

Также, например, наибольшее число корпоративных облигаций размещается Германией, при этом странами, где преимущественно осуществляются заимствования, являются Нидерланды, Великобритания, Люксембург и Ирландия. Причиной привлекательности данных юрисдикций является низкий уровень налога на доходы (в данном случае владельцев облигаций), при этом различия в защите прав кредиторов в этих странах никакого значения не имеют²².

Таким образом, изучение опыта ЕС позволяет сделать два ключевых вывода. Во-первых, конкуренция юрисдикций является диалектически взаимосвязанной с координацией (гармонизацией) правового регулирования на наднациональном (международном) уровне, а вместе они обеспечивают как улучшение качества регулирования, так и экономическую интеграцию. Во-вторых, экономическая и правовая оценка уровня реальной конкуренции юрисдикций должна основываться на анализе совокупности факторов и отраслей права (налоговое, корпоративное, антимонопольное, социального обеспечения).

Также следует отметить, что наибольшие перспективы имеет развитие так называемых

¹⁸ Sayde A. One law, two competitions: an enquiry into the contradictions of free movement law // Cambridge Yearbook of European Legal Studies. 2010–2011. Vol. 13. P. 366–367.

¹⁹ Deakin S. Legal diversity and regulatory competition: Which model for Europe? Centre for Business Research, University of Cambridge, 2001. Working Paper No. 323.

²⁰ Davies G.T. The legal framework of regulatory competition (May 18, 2006). URL: <https://www.ssrn.com/abstract=903138> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.903138>

²¹ Ringe W.-G. Corporate mobility in the European Union – A flash in the pan? An empirical study on the success of lawmaking and regulatory competition: University of Oslo Faculty of Law Legal Studies Research Paper Series. 2013 № 19. URL: https://www.papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2247323

²² Eidenmueller H., Engert A., Hornuf L. Where do firms issue debt? An empirical analysis of issuer location and regulatory competition in Europe (September 1, 2010). ECGI – Finance Working Paper No. 292/2010. URL: <https://www.ssrn.com/abstract=1678442> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1678442>

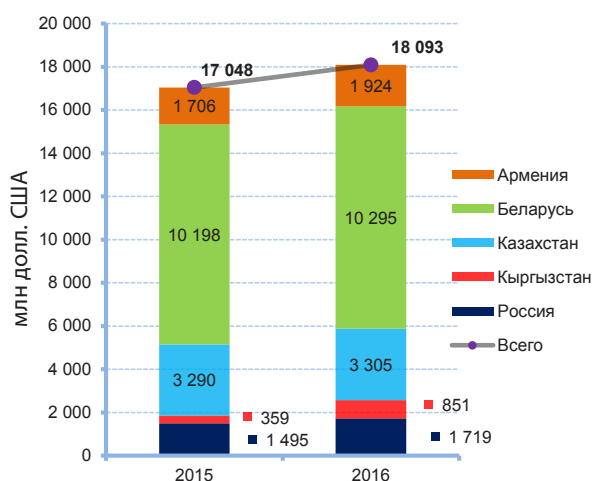

Рис. 1. Взаимные накопленные прямые инвестиции в государствах – членах ЕАЭС на конец 2016 г.

Источник – Евразийская экономическая комиссия.

«многонациональных регуляторных конкуренций», т.е. конкуренций юрисдикций *не отдельных стран, а самих интеграционных объединений.*

2. Конкуренция юрисдикций на пространстве ЕАЭС

В рамках ЕАЭС (а ранее – Таможенного союза) оценка мобильности капитала и конкуренции юрисдикций ведется достаточно давно²³.

В Докладе № 43 Евразийского Банка Развития «Евразийская экономическая интеграция – 2017»²⁴ отмечается, что, несмотря на серьезную разницу в налоговой нагрузке между государствами – членами ЕАЭС (см. таблицу 1), не произошло серьезного перетока бизнеса.

Вместе с тем, согласно исследованиям в западной экономической и юридической науке, оценка конкуренции юрисдикций не может быть основана исключительно на налоговой конкуренции.

Опубликованные за рубежом исследования, сравнивающие конкуренцию юрисдикций в ЕС и ЕАЭС²⁵, показывают, что оценка текущего состояния и перспектив развития конкуренции юрисдикций в значительной мере зависит от конкретной сферы правового регулиро-

вания (например, налоговое, корпоративное право или право социального обеспечения), и состояние регуляторной конкуренции в этих отраслях может быть различным.

Для оценки конкуренции юрисдикций можно сравнить показатели по созданию компаний или объему прямых инвестиций между государствами – членами ЕАЭС.

В целом по ЕАЭС, согласно данным Евразийской экономической комиссии (ЕЭК)²⁶, накопленные прямые иностранные инвестиции в государствах – членах ЕАЭС на начало 2017 г. составили 634,9 млрд долл. США и увеличились за период с начала 2016 г. на 134,6 млрд долл. США, или на 27%. Взаимные накопленные прямые инвестиции за рассматриваемый период увеличились на 6,1% и превысили 19 млрд долл. США. Более половины всех взаимных накопленных инвестиций приходилось на Беларусь (10,6 млрд долл. США).

В Республике Армения в 2016 г. приток прямых иностранных инвестиций составил порядка 62,6 млрд драмов против 69,4 млрд драмов за 2015 г. По данным Национальной статистической службы, самые большие потоки совокупных иностранных инвестиций в Арме-

Таблица 1. Средняя налоговая нагрузка на экономику (% к ВВП, рассчитана как средняя за период 2008–2014 гг.) и максимальная ставка НДС в странах ЕАЭС

Страна	Средняя налоговая нагрузка, %	Максимальная ставка НДС, %
Российская Федерация	34	18
Республика Беларусь	28	20
Республика Казахстан	14	12
Республика Армения	22	17
Кыргызская Республика	21	12

Источник: Евразийская экономическая интеграция – 2017.

²³ Хейфец Б.А. Конкуренция за иностранные инвестиции в таможенном союзе Беларуси, Казахстана и России // Россия и современный мир. 2011. № 4. С. 131–144.

²⁴ Евразийская экономическая интеграция – 2017. СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. 88 с.

²⁵ Klofat A. Regulatory competition within the Eurasian Economic Union and the European Union: A comparative legal analysis // Legal Issues of Economic Integration. 2017. Vol. 44, N 2. P. 173–196. URL: <https://www.ssrn.com/abstract=2737369>

²⁶ Взаимные инвестиции государств – членов ЕАЭС. Экспресс-информация. 3 июля 2017 г. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/express_information/Documents/mutual_investments/express_mi_4Q2016.pdf

Таблица 2. Действующие юридические лица, филиалы и представительства с участием стран ЕАЭС в Республике Казахстан

Страна	Количество на 1 января 2013 г.	Количество на 1 мая 2017 г.	Динамика, %
Республика Армения	87	162	86,2
Республика Беларусь	126	230	82,5
Кыргызская Республика	322	646	100,6
Российская Федерация	5029	7236	45,7

Источник: CA-portal. Центральноазиатский портал.

нию за отчетный период были зафиксированы из Люксембурга, Кипра и Великобритании. В частности, совокупные инвестиции Люксембурга в Армению за 2016 г. составили 48,4 млрд драмов, а прямые иностранные инвестиции – 10,8 млрд драмов. Совокупные инвестиции Кипра за отчетный период составили 44,3 млрд драмов, а прямые – 34,5 млрд драмов. Совокупные инвестиции Великобритании составили 33,7 млрд драмов, а прямые – 32,8 млрд драмов соответственно²⁷. По итогам первого полугодия 2017 г. самый значительный объем прямых иностранных инвестиций пришелся на остров Джерси (британское коронное владение) – 31,6 млрд драмов. Значительные потоки прямых иностранных инвестиций в Армению за отчетный период были также зафиксированы из Германии – 7,6 млрд драмов, Кипра – 2,6 млрд драмов и Великобритании – 2,1 млрд драмов. За отчетный период чистые потоки совокупных иностранных инвестиций в реальный сектор экономики Армении составили отрицательный показатель 24 813,9 млн драмов²⁸.

В Республике Беларусь, по данным Министерства иностранных дел, доля притока прямых

иностраннных инвестиций на чистой основе (по состоянию на 01.01.2017 г.) приходится на инвесторов из:

- стран ЕС – 53,8%;
- стран ЕАЭС – 33%;
- стран Азии и Ближнего Востока – 7,1%;
- прочих стран – 6,1%²⁹.

В Республике Казахстан также есть данные по количеству действующих юридических лиц, филиалов и представительств с участием стран ЕАЭС (таблица 2)³⁰.

Таким образом, можно говорить о росте числа компаний из государств – членов ЕАЭС в Казахстане за период формирования ЕАЭС. Между тем значительно больший рост числа компаний в Республике Казахстан за этот же период имеет место из других государств – Туркмении (200%), Украины (115,8%), Китая (107,9%).

В Республике Кыргызстан, по данным Национального статистического комитета за 2010–2015 гг., основными источниками прямых иностранных инвестиций являлись такие страны, как Канада, на её долю в среднем приходится более 22,4% инвестиций; Россия со средней долей 14,7%; средняя доля Республики Беларусь составляет лишь 0,8%, а Казахстана – 3,8%³¹. В 2016 г. в Кыргызстан поступило 654,8 млн долл. США прямых иностранных инвестиций, их сумма по сравнению с 2015 г. сократилась в 2,4 раза. Самыми крупными инвесторами в 2016 г. являлись Китай (289,651 млн долл. США), Россия (239,064 млн долл. США), Турция (29,792 млн долл. США), Канада (28,495 млн долл. США), Казахстан (22,646 млн долл. США)³².

Данные Центрального банка РФ³³ о ситуации с прямыми иностранными инвестициями Рос-

²⁷ Иностраннные инвестиции в реальный сектор экономики Армении за 2016 год составили 81,6 млрд // NovostiNK. 1 апреля 2017 г. URL: <http://www.novostink.ru/commerce/novosti/economynews/196121-inostrannye-investicii-v-realnyy-sektor-ekonomiki-armenii-za-2016-god-sostavili-816-mlrd-dramov.html>

²⁸ Самый значительный объем ПИИ в Армении по итогам полугодия пришелся на остров Джерси // ARKA News Agency. 7 сентября 2017 г. URL: <http://www.ambanks.am/2017/09/07/109752>

²⁹ Инвестиции и иностранные представительства. URL: <http://www.mfa.gov.by/investments>

³⁰ Иностраннные компании, работающие в Казахстане: обзор рынка // CA-portal. Центральноазиатский портал. 2017. 18 мая. URL: <http://www.ca-portal.ru/article:35032>

³¹ Куда текут иностранные инвестиции в Кыргызстане // BizExpetr.kg. 25 января 2017 г. URL: <http://www.bizexpert.kg/2017/01/25/kuda-tekut-inostrannye-investitsii-v-kyrgyzstane>

³² Почему в Кыргызстан стали меньше инвестировать? // KNews.kg. 14 марта 2017 г. URL: <http://www.knews.kg/2017/03/pochemu-v-kyrgyzstan-stali-menshe-investirovat>

³³ Статистика внешнего сектора // Центральный банк Российской Федерации. URL: http://www.cbr.ru/statistics/?prtid=svs&ch=itm_62002#CheckedItem

Таблица 3. Прямые иностранные инвестиции России в государства – члены ЕАЭС и из государств – членов ЕАЭС в Россию (1 квартал 2017 года), млн долл. США

Страна	Прямые иностранные инвестиции из России	Прямые иностранные инвестиции в Россию
Республика Армения	61	9
Республика Беларусь	346	20
Республика Казахстан	76	21
Кыргызская Республика	57	-5

Источник: Центральный банк РФ.

Таблица 4. Приток и отток прямых иностранных инвестиций в государства – членах ЕАЭС (2016 г.)

Страна	Приток прямых иностранных инвестиций, млн долл. США	Отток прямых иностранных инвестиций, млн долл. США
Республика Армения	338	57
Республика Беларусь	1235	28
Республика Казахстан	9069	-5367
Кыргызская Республика	467	-
Российская Федерация	37 668	27 272

Источник: World Investment Report 2017 (UNCTAD).

сийской Федерации в государства – члены ЕАЭС и из них представлены в таблице 3.

Необходимо отметить, что для многофакторной оценки реальной конкуренции юрисдикций в настоящее время отсутствует четкая методология. Это проявляется, прежде всего, в сфере оценки иностранных инвестиций. Согласно Докладу о мировых инвестициях ЮНКТАД 2016 г.³⁴, более 40% иностранных филиалов во всем мире имеют

несколько «паспортов», «гражданство» инвесторов и собственников иностранных филиалов становится все более размытым, а размывание государственной принадлежности инвесторов затрудняет применение норм регулирования иностранной собственности.

Согласно опубликованному в мае 2017 г. Докладу о мировых инвестициях ЮНКТАД³⁵, ситуация с притоком и оттоком прямых иностранных инвестиций в 2016 г. выглядит следующим образом (см. таблицу 4).

Из таблицы 3 видно, что практически во всех государствах – членах ЕАЭС приток иностранных инвестиций превышает их отток, при этом соотношение приток/отток достаточно серьезно варьируется и в целом коррелирует с данными рейтинга «Doing Business 2017», согласно которым Казахстан занимает 35-е место, Беларусь – 37-е, Армения – 38-е, Россия – 40-е³⁶.

Интересно сопоставить указанные данные со структурой взаимных прямых инвестиций в государствах – членах ЕАЭС (таблица 5).

Сопоставление страновых данных, приведенных выше, а также таблиц 4 и 5 показывает, что в объеме привлеченных прямых иностранных инвестиций в каждом государстве – члене ЕАЭС инвестиции из других стран ЕАЭС (за исключением Беларуси и Кыргызстана) не столь значительны.

В экономической научной литературе, однако, отмечается, что ключевым фактором развития инвестиционного сотрудничества в ЕАЭС будет продолжение работы по формированию общего рынка факторов производства в ЕАЭС и гармонизации национальных законодательств в сфере регулирования инвестиционной деятельности³⁷.

То есть, по мнению ряда российских экономистов, кросту взаимных инвестиций ведет не конкуренция юрисдикций, а гармонизация регулирования инвестиционной деятельности.

³⁴ Доклад о мировых инвестициях 2016 «Гражданство инвесторов»: вызовы политики. Основные тенденции и общий обзор». UNCTAD, 2016.

³⁵ World Investment Report 2017 // UNCTAD. URL: http://www.unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2017_en.pdf

³⁶ Doing Business 2017. URL: <http://www.doingbusiness.org/reports/global-reports/doing-business-2017>

³⁷ Абрамов В.Л., Алексеев П.В. Инвестиционное сотрудничество государств – членов ЕАЭС как ключевой фактор их устойчивого развития // Финансовый журнал. 2016. № 4. С. 34.

³⁸ The Global Competitiveness Report 2016–2017 // World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2016-2017-1>

Таблица 5. СТРУКТУРА ВЗАИМНЫХ ПРЯМЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ГОСУДАРСТВАХ – ЧЛЕНАХ ЕАЭС (ПОТОКИ ЗА 2016 г. НА ЧИСТОЙ ОСНОВЕ, МЛН ДОЛЛ. США)³⁹

Инвесторы	Получатели инвестиций					Всего
	Республика Армения	Республика Беларусь	Республика Казахстан	Республика Кыргызстан	Российская Федерация	
Республика Армения		0,4	0,3	–	32,6	33,3
Республика Беларусь	–		7,1	-17,6	46,0	35,6
Республика Казахстан	-1,6	11,1		16,3	351,0	376,8
Кыргызская Республика	–	–	-1,2		-15,4	-16,5
Российская Федерация	-89,4	475,0	184,6	230,7		800,9
Всего	-90,1	486,6	190,8	229,4	414,3	1230,2

Источник: Евразийская экономическая комиссия.

Следует отметить, что различные рейтинги конкурентоспособности государств, которые, по сути, должны отражать состояние привлекательности их юрисдикций для бизнеса, содержат разнонаправленные оценки.

Например, согласно Глобальному индексу конкурентоспособности Всемирного экономического форума 2016–2017³⁸, Россия занимает 43-е место (45-е в 2015–2016 гг.), Казахстан – 53-е (42-е в 2015–2016 гг.), Армения – 79-е (82-е в 2015–2016 гг.), Кыргызстан – 111-е (102-е в 2015–2016 гг.).

А согласно Мировому рейтингу конкурентоспособности IMD⁴⁰, в 2017 г. Казахстан занимает 32-е место (в предыдущем рейтинге 47-е), Россия – 46-е (ранее 44-е).

Указанные различия в оценке конкурентоспособности государств показывают, что оценка уровня конкуренции юрисдикций должна носить либо сложный многофакторный анализ, либо проводиться по отдельным сферам регулирования.

В основу такого анализа для дальнейших более глубоких исследований могут быть положены следующие критерии:

- наличие «предложения» конкуренции юрисдикций, т.е. указанная в документах стратегического планирования государства – члена ЕАЭС цель обеспечения конкуренции юрисдикций и повышения привлекательности собственной юрисдикции, а также ее практическая реализация в нормативном правовом регулировании;
- наличие «спроса» на обеспечение конкуренции юрисдикций со стороны бизнеса, т.е. судебные процессы в Суде ЕАЭС по данным вопросам (аналогичные делу Centros в ЕС);
- количественные критерии и показатели налоговой конкуренции (в настоящее время они, главным образом, и оцениваются);
- наличие оценки (анализа) регулирующего (регуляторного, регулятивного) воздействия в других сферах регулирования (пока реализовано только в России, Казахстане, Кыргызстане, планируется в Беларуси, отдельные элементы есть в Армении);
- наличие единой методологии оценки всех издержек бизнеса – в данном случае перспективным является использование «модели стандартных издержек» (англ. – standard cost model), внедренной в Еврокомиссии, государствах ЕС и внедряемой в России.

³⁹ Иностранцы компании, работающие в Казахстане: обзор рынка // CA-portal. Центральноазиатский портал. 2017. 18 мая. URL: <http://www.ca-portal.ru/article:35032>

⁴⁰ IMD World Competitiveness Ranking 2017. URL: <https://www.imd.org/globalassets/wcc/docs/release-2017/wcy-2017-vs-2016--final.pdf>

Кроме того, необходимо проведение отраслевых исследований, аналогичных вышеуказанным в ЕС, для оценки реального уровня межстранового перетока капитала (инвестиций) в различных отраслях экономики, а также влияющих на такой переток регуляторных факторов (особенностях нормативного правового регулирования и правоприменения в отдельных сферах в каждой из стран – участниц ЕАЭС).

Важно отметить, что, исходя из европейского опыта⁴¹, реальную оценку конкуренции юрисдикций можно будет проводить только после устранения барьеров для свободного перемещения товаров, услуг, рабочей силы и капитала. Поэтому в европейской интеграции данная тема стала актуальной только в конце 1990-х гг. Таким образом, конкуренция юрисдикций – это эффект, возникающий в результате «первичной» интеграции (гармонизации), и ее качественная объективная оценка – пока вопрос будущего.

3. Конкуренция юрисдикций: препятствие или стимул более глубокой интеграции?

Оценка феномена конкуренции юрисдикций серьезно варьирует в зависимости от «угла научного зрения». В российской правовой науке конкуренцию юрисдикций, особенно в аспекте юрисдикций международных судов, оценивают как отрицательное явление. Например, в отдельных исследованиях указывается, что положительным эффектом умножения числа (или пролиферации) международных судов является обеспечение географической и отраслевой специализации судов, тогда как отрицательными последствиями выступают фрагментация международного права, конкуренция юрисдикций, конкуренция судебных решений и др.⁴² Данное обстоятельство обусловлено узко-формальным пониманием

конкуренции юрисдикции государств в юридической науке, что было отмечено выше. В этой связи внимание юристов в большей мере направлено на устранение конкуренции юрисдикций государств, главным образом путем заключения международных договоров о ее разграничении⁴³.

Экономические и политологические оценки конкуренции юрисдикций принципиально иные.

По оценкам ЕЭК, усилия ЕЭК и правительств стран ЕАЭС по формированию единого рынка, снятию барьеров и ограничений, формированию эффективного законодательства повышают международную конкурентоспособность государств – членов ЕАЭС. Как отмечает член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике ЕЭК Т. Валовая: «Государства ЕАЭС в рамках существующей в Союзе конкуренции юрисдикций начинают совершенствовать свое национальное законодательство, чтобы быть более конкурентоспособными на нашем общем экономическом пространстве. Это приводит к тому, что и на международной арене мы улучшаем свои позиции. Речь идет о качественном признании результатов нашей экономической интеграции»⁴⁴.

По оценке Евразийского Банка Развития, в целом для ЕАЭС более высокий уровень мобильности компаний и капитала повысил бы общую эффективность интеграционного объединения и стимулировал страны бороться за бизнес, улучшая инвестиционный климат⁴⁵.

Необходимо отметить, что далеко не всегда снижение нормативно установленных требований (так называемая «гонка вниз») оправдано. В ряде зарубежных исследований доказано, что сохранение жесткого регулирования в отдельных сферах не влечет конкуренции юрисдикций. Например, жесткие требования стандартов финансовой отчетности позволяют развивать финансовый рынок, и дальнейшее совершенствование регули-

⁴¹ Kerber W. Interjurisdictional competition within the European Union // Fordham International Law Journal. 1999. Vol. 23, N 6. P. 219

⁴² Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 146;

Толстых В.Л. Пролиферация международных судов и ее последствия // Российское правосудие. 2010. № 10. С. 55–56.

⁴³ Черниченко О.С. Международно-правовые аспекты юрисдикции государств: Автореф. дисс.... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 12–13.

⁴⁴ Производство в сельском хозяйстве стран ЕАЭС выросло в 2016 году почти на 4% // Евразийская экономическая комиссия. 2017. 19 января. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/pages/valovaya-selhoz1.aspx>

⁴⁵ Винокуров Е. Почему конкуренция юрисдикций в Евразийском экономическом союзе оказалась неэффективной? // Ведомости. 2017. 22 мая. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/blogs/2017/05/22/690856-konkurenciya-yurisdiksiy-evraziiskom-neeffectivno>

рования идет уже по пути гармонизации национальных стандартов⁴⁶. Это характерно также для электронной коммерции⁴⁷.

В сфере охраны окружающей среды государства также минимизируют потенциальные последствия конкуренции юрисдикций с помощью международной гармонизации требований для того, чтобы избежать так называемой «гонки вниз». Таким образом, конкуренция юрисдикций выступает в качестве стимула международного сотрудничества в области охраны окружающей среды⁴⁸.

Сдерживание данной конкуренции не может быть задачей интеграционных объединений, таких как ЕС, поскольку их главная задача по-прежнему заключается в обеспечении «сотрудничества для конкуренции»⁴⁹, поскольку, как уже указывалось выше, конкуренция юрисдикций и координация (гармонизация) правового регулирования взаимно дополняют друг друга.

При этом механизмы конкуренции юрисдикций как в ЕС, так и в других интеграционных объединениях, зависят от социального устройства, политических проблем, общественного восприятия и нормативных дискурсов (т.е. различий в подходах к правовому регулированию той или иной сферы общественных отношений).

4. Стимулы и препятствия для дальнейшего развития конкуренции юрисдикций на пространстве ЕАЭС

По оценке Евразийского Банка Развития, главным препятствием для конкуренции юрисдикций является высокая доля госу-

дарства в экономике. В 2015 г. в России она составила 70%, в Беларуси – 70–75%, в Казахстане – порядка 60% (при этом среднемировой показатель – всего 30–40%)⁵⁰.

Кроме того, конкуренции юрисдикций мешают нетарифные барьеры, которых в настоящее время на рынке ЕАЭС действует более 450, при этом к категории допустимых Договором о ЕАЭС (так называемые изъятия и ограничения) относится около 80% из них⁵¹.

Следствием масштабного присутствия государства в экономике государств – членов ЕАЭС является и третья проблема – ориентация бизнеса на работу с государством и госкомпаниями. В странах ЕАЭС «огромный» объем госзакупок – 270 млрд долл. США в год, почти столько же, сколько составляет общий объем экспорта (300 млрд долл. США). Общий рынок госзакупок в ЕС существует, но он мало доступен для иностранных компаний, особенно малого и среднего бизнеса⁵². Здесь также следует упомянуть ограничения, связанные с реализацией в Российской Федерации программ и планов импортозамещения в различных отраслях, в первую очередь, в сфере информационных технологий.

Опубликованные за рубежом исследования, сравнивающие конкуренцию юрисдикций в ЕС и ЕАЭС⁵³, показывают, что развитие конкуренции юрисдикций на пространстве ЕАЭС сдерживают тенденции централизации Союза. При этом нужно помнить, что в основе концепции регуляторной конкуренции лежит децентрализация. Она не может работать, если эффективные полномочия по созданию правил не выполняются регуляторами на уровне отдельных стран, потому что централизованный или «монопольный» регулятор будет вести себя как любая другая монополия⁵⁴.

⁴⁶ Sunder S. Regulatory competition among accounting standards within and across international boundaries // Journal of Accounting and Public Policy. 2002. Vol. 21. P. 232.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Holzinger K., Knill C., Sommerer T. Environmental policy convergence: The impact of international harmonization, transnational communication and regulatory competition // International Organization. 2008. Vol. 62. P. 553–587.

⁴⁹ Radaelli C.M. The puzzle of regulatory competition // Journal of Public Policy. 2004. Vol. 24, N 1. P. 1–23.

⁵⁰ О конкуренции юрисдикций в ЕАЭС // Евразийский Банк развития. 2017. 19 мая. URL: <https://www.eabr.org/press/publications/o-konkurentsii-yurisdiktsiy-v-eaes>

⁵¹ Там же.

⁵² О конкуренции юрисдикций в ЕАЭС // Евразийский Банк развития. 2017. 19 мая. URL: <https://www.eabr.org/press/publications/o-konkurentsii-yurisdiktsiy-v-eaes>

⁵³ Klofat A. Regulatory competition within the Eurasian Economic Union and the European Union: A comparative legal analysis // Legal Issues of Economic Integration. 2017. Vol. 44, N 2. P. 173–196. URL: <https://www.ssrn.com/abstract=2737369>

⁵⁴ Barnard C., Deakin S. Market access and regulatory competition // Jean Monnet Working Paper. 2001. N 9/01. P. 5.

Таким образом, для развития конкуренции юрисдикций в рамках ЕАЭС большее значение имеют не усилия по гармонизации регулирования органов Союза, а повышение качества регуляторной политики на национальном (внутригосударственном) уровне. В то же время ЕЭК может выступать драйвером такого совершенствования.

В качестве примера можно привести тот факт, что первый нормативный правовой акт по оценке регулирующего воздействия в Республике Беларусь⁵⁵ был принят именно потому, что данный институт регуляторной политики возник в ЕЭК.

Интересно, как планируют развивать конкуренцию юрисдикций сами государства – члены ЕАЭС. Данные о таком планировании могут быть как в выступлениях высших должностных лиц, так и в документах стратегического планирования государств – членов ЕАЭС.

По мнению первого заместителя Министра экономики Республики Беларусь А.М. Заборовского, высказанному на круглом столе в Министерстве экономики в ноябре 2016 г.⁵⁶, для обеспечения привлекательности белорусской юрисдикции планируется внедрение системы оценки регулирующего воздействия на бизнес, перевод административных процедур в электронный формат, новые условия поддержки и стимулирования бизнеса Белорусским фондом финансовой поддержки предпринимательства.

В Республике Казахстан задачи развития конкуренции юрисдикций определены в Послании Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана от 31 января 2017 г. «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность»⁵⁷. Документ предусматривает такие меры, как:

- сохранение лидерства по привлечению иностранных инвестиций, в том числе

эффективная реализация совместной с Китаем инвестиционной программы по созданию производств в Казахстане;

- обеспечение свободы транзита грузов, создания и модернизации транспортных коридоров, управления транспортной инфраструктурой, повышения уровня сервиса и устранения административных барьеров;
- системные меры по дерегулированию бизнеса, в том числе разработка детальных планов по улучшению условий для ведения бизнеса в регионах на основе рейтинга Всемирного банка, введение в стране рейтинга регионов и городов по легкости ведения бизнеса;
- снижение доли государства в экономике до 15% ВВП, до уровня стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в том числе ускорение и завершение до конца 2018 г. приватизации порядка 800 предприятий, ранее определенных для приватизации до 2020 г.;
- обеспечение работы по имплементации лучших практик и рекомендаций ОЭСР, в том числе реформы, направленные на защиту частной собственности, верховенство права и обеспечение равенства всех перед законом, проведение ревизии всего законодательства на предмет усиления защиты прав собственности, гуманизацию административного и уголовного законодательства, снижение санкций за правонарушения в предпринимательской сфере, декриминализацию экономических составов с невысокой степенью общественной опасности, повышение доверия к судебной системе.

В Российской Федерации на уровне документов стратегического планирования развитию непосредственно конкуренции юрисдикций, как на глобальном уровне, так и в рамках ЕАЭС, внимания не уделяется, сам термин не используется. Например, Стратегия экономической безопасности РФ до

⁵⁵ Постановление Совета Министров Республики Беларусь 16 мая 2013 г. № 380 «О порядке взаимодействия республиканских органов государственного управления, иных государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь, других организаций и государственных органов при подготовке и рассмотрении проектов решений Евразийской экономической комиссии, проведении процедуры отмены или изменения решений, принятых Коллегией Евразийской экономической комиссии, и подготовке инициативных предложений».

⁵⁶ Дело пошло в гору. 37-е место Беларуси в рейтинге «Ведение бизнеса» – не предел. Эксперты – о том, как взять новую высоту // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2016. 3 ноября. URL: http://www.pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2016/november/21858/?sphrase_id=228108

⁵⁷ Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана от 31 января 2017 г. «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность» // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 2017. 31 января. URL: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-nazarbaeva-narodu-kazakhstan-31-yanvara-2017-g

2030 г.⁵⁸ содержит положения исключительно об экономической конкурентоспособности экспортных отраслей. При этом расширение партнерского взаимодействия и интеграционных связей в рамках ЕАЭС упоминается *однократно наряду с СНГ, БРИКС, ШОС и другими межгосударственными организациями.*

В Республике Армения в опубликованных документах стратегического планирования также не упоминаются термин «конкуренция юрисдикций» и мероприятия по ее непосредственному развитию, аналогичная ситуация имеет место и в Республике Кыргызстан.

Таким образом, государства – члены ЕАЭС в целом стремятся развивать свою конкурентоспособность, используя при этом как традиционные меры денежно-кредитной и бюджетно-налоговой, так и передовые инструменты регуляторной политики, при этом внимание развитию конкуренции юрисдикций в большей мере уделяется в Беларуси и Казахстане.

⁵⁸ Стратегия экономической безопасности РФ до 2030 г., утв. указом Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Развитие конкуренции юрисдикций наряду с сокращением межгосударственных барьеров в интеграционных объединениях (так называемая «негативная» интеграция) является важным основанием для гармонизации правового регулирования («позитивной» интеграции).

При этом, исходя из многочисленных зарубежных исследований по разным аспектам экономических отношений, необходимо учитывать, что *реальная оценка привлекательности юрисдикций и их конкуренции может быть основана только на многофакторном анализе, включающем оценку как широкого числа нормативно установленных требований, так и целого ряда экономических и социологических факторов.*

Исходя из общего понимания того, что денежно-кредитная и налогово-бюджетная политика (а соответственно, и конкуренция юрисдикций в данных сферах) как стимуляторы экономического роста имеют свои ограничения, в государствах ОЭСР еще с 1990-х гг. все большее внимание обращено на регуляторную политику⁵⁹ и регуляторные реформы⁶⁰.

Недостаточно развивать налоговую конкуренцию юрисдикций – *необходимо также развивать регуляторную политику. И первоочередной мерой в этом направлении является внедрение оценки (анализа) регуляторного воздействия (ОРВ) во всех государствах – членах ЕАЭС.*

Перспективным направлением развития конкуренции юрисдикций в сфере регуляторной политики, помимо полноценного внедрения ОРВ во всех государствах – членах ЕАЭС, является также обеспечение возможности участия в публичных консультациях в рамках ОРВ на внутригосударственном (национальном) уровне адресатов регулирования из других государств – членов ЕАЭС.

Кроме того, целесообразна активизация участия бизнеса в публичном обсуждении проектов решений самой ЕЭК. Пока в этой сфере наблюдается отрицательная динамика активности участия в публичных обсуждениях со стороны представителей бизнеса государств ЕАЭС. Согласно Ежегодному отчету ЕЭК о мониторинге проведения оценки регулирующего воздействия проектов решений ЕЭК в 2015 г.⁶¹ по 94 проектам решений ЕЭК, публичное обсуждение которых в рамках процедуры ОРВ проводилось в 2015 г., участниками публичного обсуждения было дано 2586 замечаний и предложений, что в среднем составляет 27,5 замечания и предложения по одному проекту решения ЕЭК. Всего в ходе публичного обсуждения проектов решений ЕЭК в рамках процедуры ОРВ замечания и предложения направили 317 участников публичного обсуждения, включая представителей бизнес-ассоциаций, хозяйствующих субъектов, экспертов (физических лиц), представителей научного сообщества, уполномоченных органов исполнительной власти государств – членов Союза. А в 2016 г., согласно аналогичного Ежегодному отчету⁶², по 34 проектам решений ЕЭК, публичное обсуждение которых в рамках процедуры ОРВ проводилось в 2016 г., участниками публичного обсуждения было дано 268 замечаний и предложений, что в среднем составляет 8 замечаний и предложений по одному проекту решения ЕЭК. Всего в 2016 г. в ходе публичного обсуждения проектов решений ЕЭК в рамках процедуры ОРВ замечания и предложения направили 65 участников публичного обсуждения, включая представителей бизнес-ассоциаций, хозяйствующих субъектов, экспертов (физических лиц), представителей научного сооб-

⁵⁹ Regulatory policy // OECD. URL: <http://www.oecd.org/regreform/regulatory-policy>

⁶⁰ Regulatory reform // OECD. URL: <http://www.oecd.org/regreform>

⁶¹ Распоряжение Евразийского межправительственного совета № 9 от 20.05.2016 «О ежегодном отчете Евразийской экономической комиссии о мониторинге проведения оценки регулирующего воздействия проектов решений Евразийской экономической комиссии в 2015 году» // Правовой портал Евразийского экономического союза. URL: https://www.docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01410268/ico_23052016_9

⁶² Распоряжение Евразийского межправительственного совета № 12 от 26.05.2017 «О ежегодном отчете Евразийской экономической комиссии о мониторинге проведения оценки регулирующего воздействия проектов решений Евразийской экономической комиссии в 2016 году» // Правовой портал Евразийского экономического союза. URL: https://www.docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01414059/ico_29052017_12

щества, уполномоченные органы исполнительной власти государств – членов Союза и третьих стран.

Что касается таких факторов, отрицательно влияющих на конкуренцию юрисдикций в ЕАЭС, как высокий уровень участия государств в экономике, то его системное снижение в ближайшие годы не представляется возможным (за исключением, пожалуй, Республики Казахстан, взявшей курс на масштабную приватизацию). Это обусловлено отсутствием соответствующих установок в документах стратегического планирования других государств – членов ЕАЭС.

Перспективнее развивать конкуренцию юрисдикций в новых отраслях, обеспечивая более комфортные правовые режимы (в том числе так называемые регулятивные «песочницы» (англ. – sandboxes) – режимы правовых экспериментов) для цифровой экономики, «четвертой промышленной революции» и развития новых технологий.

ЕЭК в данной сфере может сосредоточиться на выявлении «лучших практик» и их использовании для дальнейшей гармонизации.

Данные обстоятельства (высокий уровень участия государства в экономике стран – членов ЕАЭС и перспективность развития конкуренции правовых режимов для развития новых технологий и цифровой экономики) делают актуальным также развитие конкуренции правовых режимов государственно-частного партнерства (ГЧП) в указанных сферах⁶³. Развитие ГЧП в сфере цифровизации, например, прямо предусматривается в опубликованном в июле 2017 г. на Правовом портале ЕАЭС проекте Основных направлений реализации Цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 г.⁶⁴ В этой связи представляет интерес регулирование проектов ГЧП в сфере информатизации в Республике Казахстан, где новые законы «Об информатизации» и «О государственно-частном партнерстве» предусматривают такие проекты. А в России в настоящее время информационные системы не могут являться объектом соглашений о ГЧП, и соответствующий проект федерального закона только внесен в Государственную Думу РФ⁶⁵.

Таким образом, проведенное исследование показало перспективность, потенциал и возможные направления развития конкуренции юрисдикций в рамках ЕАЭС, которые будут способствовать экономическому развитию как его государств-членов, так и интеграционного объединения в целом.

Общий алгоритм последовательного (циклического) развития интеграции (гармонизации) регулирования и конкуренции юрисдикций может быть выстроен следующим образом:

- 1) ЕЭК стимулирует устранение барьеров, изъятий и ограничений в регулировании отдельных рынков (сфер, отраслей) – «первичная гармонизация»;
- 2) национальные (внутригосударственные) органы-регуляторы, используя передовые инструменты регуляторной политики, в том числе развитие оценки регулирующего воздействия, проведение правовых экспериментов в передовых отраслях, обеспечивают повышение качества нормативного правового регулирования и правоприменения на территории своих стран, стимулируя тем самым развитие конкуренции юрисдикций и переток капитала и рабочей силы (мобильных ресурсов);
- 3) ЕЭК осуществляет мониторинг состояния и развития конкуренции юрисдикций на основе комплексного многофакторного анализа (требуется разработка соответствующей

⁶³ Государственно-частное партнерство в странах Евразийского экономического союза. Практическое руководство для инвесторов. М.: Центр развития ГЧП, 2017. 80 с. URL: http://www.pppcenter.ru/assets/files/Evrazes_Book-2017.pdf

⁶⁴ О проекте решения Совета Евразийской экономической комиссии «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» // Правовой портал ЕАЭС URL: https://www.docs.eaeunion.org/pd/ru-ru/0101963/pd_28072017

⁶⁵ Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. URL: [http://www.asozd.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=157778-7](http://www.asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=157778-7)

методологии и ее нормативная институционализация), выявление «лучших практик», стимулирует их распространение («мягкая» вторичная гармонизация);

4) в рамках ЕАЭС принимается решение о передаче новых сфер регулирования на над-национальный уровень и, соответственно, их унификация в рамках ЕЭК. При этом для предотвращения бюрократизации в рамках самой ЕЭК требуется развитие оценки регулирующего воздействия как проектов, так и действующих актов органов ЕАЭС, а также стимулирование участия в публичных консультациях (обсуждениях) по ним широкого круга представителей стран – участниц ЕАЭС.

[facebook.com/
russiancouncil](https://facebook.com/russiancouncil)

[twitter.com/
Russian_Council](https://twitter.com/Russian_Council)

[vk.com/
russian_council](https://vk.com/russian_council)

[russiancouncil.
livejournal.com](https://russiancouncil.livejournal.com)

[flickr.com/photos/
russiancouncil](https://flickr.com/photos/russiancouncil)

[youtube.com/
russiancouncilvideo](https://youtube.com/russiancouncilvideo)

[slideshare.net/
RussianCouncil](https://slideshare.net/RussianCouncil)

linkedin.com/company/russian-international-affairs-council/
linkedin.com/groups/Russian-International-Affairs-Council-4473529

Тел.: +7 (495) 225 6283
Факс: +7 (495) 225 6284
E-mail: welcome@russiancouncil.ru
119180, Москва, ул. Большая Якиманка, дом 1.

www.russiancouncil.ru